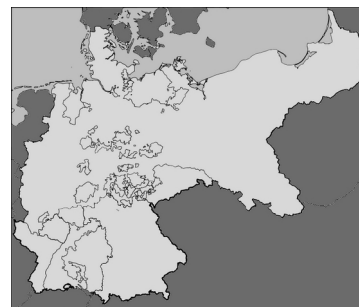

НАША СПРАВКА

Германская государственность и идентичность: история и современность

Выход в конце франко-прусской войны 1870–1871 гг. манифеста Вильгельма I от 17 января 1871 г. – это один из тех «звездных часов» в истории народов, которые навсегда становятся **славным прошлым**, питающим национальную гордость этноса, неразрывно соединяющим с собой «понятие о ге-

роизме, благородном самоотвержении и необыкновенном подъеме духа»¹. В русской истории таким «звездным часом» была, например, Куликовская битва, позволившая победителям «Великой Орды Златая» почувствовать себя законными наследниками «светло светлой и украсно украшенной» Древней Руси и преобразовать свои чувства в культурный подъем конца XIV – начала XV вв. В английской – разгром в 1588 г. «Великой армады», заметно повысивший самооценку тех, кто не захотел потом мириться с посягательством на свои права Карла I и ответил королю Английской революцией XVII века. В немецкой же истории одним из таких «звездных часов» стало 17 января 1871 года.

Эту ситуацию надо осознать и прочувствовать: великая держава, всего 60 годами ранее, при Наполеоне I, прямо или косвенно подчинившая себе всю Германию, держава, словно дамоклов меч, висевшая над стремлением немцев к объединению, *повержена немецким оружием в прах*. Ее кадровая армия – после сражения 1 сентября 1870 г. под Седаном и сдачи 27 октября крепости Мец – в плену, ее столица – эта Мекка роскоши и наслаждений – задыхается в кольце осады и ест собак, кошек и крыс, во дворце, где сиял когда-то «король-солнце» Людовик XIV – ставка немецкого главнокомандующего.

И на этом фоне юридически завершается *объединение немецких земель!*

Затерянное где-то в середине текста словосочетание «немецкое отечество» – это краткая формула величайшего прорыва, произошедшего в XIX в. в немецком сознании. Давайте отдадим себе отчет в фактической безэтничности европейского населения еще в XVIII столетии – когда немецкоязычный бюргер или крестьянин знал, что он, скажем, нюрнбержец и подданный великого герцога такого-то, но не ощущал себя немцем. «Мы цесарские, а наши паны – те поляки», – вот уровень «национального самосознания», демонстрировавшийся польским крестьянским населением Австрийской империи еще в эпоху 1848 года; вспомним, наконец, тех полешуков, что еще в 1920-х на вопрос об их национальности честно отвечали на «беларуской мове»: «Тутэйшыя» (т.е. местные)... И вот после долгих веков господства подобного самоощущения нюрнбержцы, берлинцы, саксонцы, баварцы, носители швабского диалекта и говорящие на «хохдойче», подданные большой Пруссии и карликового Шаумбург-Липпе и т.п. осознают, что все они суть немцы – и, значит, все они суть друг для друга *свои*. И, значит, должны жить в одном государстве, в *немецком* отечестве. Больше того, многие из них уже в 1841 г. истово повторяют вслед за автором «Песни немцев» Августом Генрихом Гофманом фон Фаллерслебеном, что это отечество, эта

Германия, Германия превыше всего,
Превыше всего в мире.

Прорыв, тем более грандиозный, что хорошо известные заметные различия в ментальности, культуре и даже в языке между жителями разных регионов Германии никуда не делись, не исчезли и известные же трения между «вшивыми пруссаками», «южными свиньями» и т.п. Но в том-то и дело, что трения эти ощущались теперь как трения между *своими*. Характерны впечатления, испытанные известной советской писательницей Мариэттой Шагинян при поездке из тюрингенского Веймара во франконский Вюрцбург в памятный для Германии день 31 июля 1914 г. – когда всем уже было ясно, что «завтра война». «<...> Не успели тронуться, как весь вагон запел. Пели и «Die Wacht am Rhein», и «Deutschland über Alles», и еще что-то, и все с огромным подъемом <...>». А ведь еще в прошлом году старичок-саксонец, разговорившийся с Шагинян в Дрездене, «плевал в сторону Пруссии, уверял, что нет ни одного саксонца, готового сражаться рядом с пруссаками, и на прощанье записал» иностранке «куплет простонародной песенки» на саксонском диалекте:

Warum fließt den die Elbe so gelbe?
Die härt sich zu Schante
Daß sie muß aus dem Lante
Denn gleich hinter Meißen
Pfuif Spinne – liegt Breißen!

(«Почему Эльба так желта? Она желта со стыда, так как должна выйти из страны, – ведь сейчас же за Мейссеном лежит Пруссия»). «Вспоминаю еще мюнхенских баварцев, не устававших ругать саксонскую сухость и высокомерие. Теперь все это исчезло, точно оно было сном. Нация обнаружила изумительное единство <...>»². Абсолютно то же самое вспоминал и зачисленный в те дни в 16-й баварский пехотный полк Адольф Гитлер: «Утренний туман рассеялся, выглянуло солнышко и осветило окрестности, и из всех грудей грянула великая старая песня «Вахт ам Рейн». Пели все до одного человека в нашем длинном бесконечном поезде». А вот его рассказ об одном из осенних боев 1914-го во Фландрии: «<...> Мы сходимся на картофельном поле грудь грудью с противником. Сзади нас издали раздается песня, затем ее слышно все ближе и ближе. Мелодия перескакивает от одной роты к другой. И в минуту, когда кажется, что смерть совсем близко, родная песня доходит и до нас, мы тоже включаемся, и громко, победно несется: «Дойчланд, Дой-

¹ Норцов А.Н. Значение военного мундира как символа и некоторые тамбовские военные факты. Тамбов, 1911. С. 8.

² Шагинян М. Путешествие в Веймар (отрывки из книги) // Шагинян М. Собр. соч. В 9 тт. М.: Художественная литература, 1971. Т. 1. С. 681–682.

³ Гитлер А. Mein Kampf. Война в коричневых тонах // Родина. 1993. № 8–9. С. 166–167.

⁴ Цит. по: Кальтензггер Р. Фердинанд Шёрнер. Генерал-фельдмаршал последнего часа. М.: Яуза; Эксмо, 2007. С. 33–34.

⁵ Акунов В.В. Фрайкоры. Повесть о германских добровольцах. М.: Рейттарь, 2004. С. 103.

чланд юбер алес»². И это при том, что баварские военнослужащие и в Германской империи при- сягали не «Дойчланду» и не германскому императору, а баварскому королю (точно так же, как саксонские – саксонскому и т.п.). Ведь Германская империя 1871–1918 гг. (как и ее предшествен- ник, Северогерманский союз 1866–1870 гг.) представляла собой *федерацию*; земли упомянутых в манифесте «немецких государей и свободных городов» (22 монархии и 3 «вольных города») во- шли в состав империи именно «членами», они сохранили самостоятельность в решении многих своих внутренних дел. В королевствах Саксония и Вюртемберг остались даже свои военные ми- нистерства – ведавшие (кроме как в строевом отношении) соответствующими контингентами гер- манской армии, – а в королевстве Бавария не только военное министерство, но и Генеральный штаб! В мирное время баварскими войсками всецело управляли из Мюнхена, а не из Берлина...

А вот воспоминания баварца, командовавшего в сентябре 1914 г., в Пикардии, 12-й ротой ба- варского Лейб-пехотного полка: «Вдруг над полем боя зазвучала музыка, то был наш полковой оркестр, исполнявший песню "Раздается клич, подобный грому". Звуки музыки будоражили ум и кровь, бросая нас в дрожь, мы чувствовали присутствие великого Бога, слышали, как отступала смерть. Губы наши шептали: "Дорогое отечество, можешь быть спокойным..."»³. Это слова из «Вахт ам Рейн», и речь в них идет именно о немецком (а не о баварском) отечестве. Да, возможно, они вложены в уста фронтовиков самим мемуаристом, но характерно, *какие* это слова. Даже после всех ужасов мировой войны немцев «вынесли из нее» такую любовь к Отечеству, что это последнее превратилось для них «в почти мистический предмет поклонения»⁴. Рейнландские се- паратисты, провозгласившие было в октябре 1923 г. под защитой французских оккупационных войск «Рейнскую» и «Пфальцскую» республики, и те баварские политики, которые надеялись в октябре 1918-го, что в обмен на отделение от Пруссии Антанта облегчит для баварцев условия мира, – это лишь исключения, подтверждающие правило.

Но если в упоминании Вильгельма I о «немецком отечестве» проявилась Германия XIX века, то упомянутая им «подлинно немецкая верность» – это исконная и типичная немецкая ценность, настолько типичная, что без ссылки на нее не обошелся даже этот краткий манифест. Даже ядови- то-критический Генрих Гейне не смог не воздать должное этой черте немцев: «Это такое прекрас- ное чувство! И такое подлинно немецкое. Другие народы могут быть и искуснее, и остроумнее, и занимательнее, но нет более верного, чем верный немецкий народ. Если бы я не знал, что верность стара, как мир, я был бы готов допустить, что ее изобрело немецкое сердце. Немецкая верность! Это не современный риторический оборот речи»¹. «Истинная честь не может существовать без верности до самой смерти, без непобедимого мужества, твердой решимости, послушания до само- отречения, простой правдивости и строгой осмотрительности, без самопожертвования при выпол- нении того, что на первый взгляд может показаться малозначительной задачей», – именно в таком порядке перечислены требования к воинской чести в приказе Вильгельма I от 2 мая 1874 г. И не случайно эта формулировка почти слово в слово повторена в циркуляре командующего рейхсве- ром генерала пехоты Ханса фон Зекта от 1 января 1921 г.²; не случаен и девиз, выбитый на кинжа- лах членов СС – «Моя честь в моей верности» («Meine Ehre ist Treue»)...

В сегодняшней Германии – помешавшейся на политкорректности и приоритете прав человека и боящейся подчеркивать даже такие естественные различия между людьми, как этнические и религи- озные, – под сомнение поставлен уже и патриотизм. Министр иностранных дел Германии Йошка Фи- шер, вступая в 1998 г. в должность, отказался присягнуть Отечеству – этой, по его словам, абсурдной категории. В офицерском обществе уже не произносят в качестве первого гостя неизменное еще в 1930-х гг. «За наше любимое Отечество!». И выступающие за включение германских контингентов в боевые действия НАТО в Афганистане немецкие офицеры движимы отнюдь не идеей защиты нацио- нальных интересов Германии. Но и не одной лишь идеей «помощи афганцам в установлении демокра- тии!» «Мы стыдливо отсиживаемся на севере Афганистана, пока наши коллеги по коалиции гибнут на юге», – «убежденно говорил» недавно «один энергичный шваб»-офицер ехавшему с ним в поезде рус- скому писателю и переводчику Александру Гнесю. То есть «понятия [союзнических – А.С.] долга и верности» все еще играют «очень значительную роль в немецком сознании»³.

В истории действуют не только сословия, партии, государства, но и этносы – вот о чем лиш- ний раз напоминает нам манифест прусского короля, ставшего в 1871 г. германским императором.

Смирнов А.А.,

кандидат исторических наук, доцент Московского архи- тектурного института (Государственной академии)

¹ Гейне Г. Путешествие по Гарцу (1824) // Гейне Г. Избранные произведения. В 2 тт. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. Т. 2. С. 24.

² Деметр К. Германский офицерский корпус в обществе и государстве. 1650–1945. М.: Центрполиграф, 2007. С. 316, 354.

³ Гнесь А.А. До и после Сараево: право на сослагательное наклонение. (Вспоминая 1914 год). Новосибирск: Свинья и сы- новья, 2011. С. 149.